

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2025-2-25-35

Гершеле Острополер в «Конармии» Исаака Бабеля (Пан Аполек: археология образа)

Геннадий Сергеевич Жарников

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

zharnikov.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7354-1217>

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу образа пана Аполека, одного из ключевых персонажей цикла Исаака Бабеля «Конармия». Несмотря на обширную исследовательскую традицию, в рамках которой были изучены западноевропейские культурные пласты, формирующие данный образ, его глубинные связи с идишской фольклорной культурой остаются малоизученными. Научная новизна настоящей работы заключается в попытке выявить в структуре образа фундаментальный пласт, восходящий к фигуре идишского народного героя Гершеле Острополера. В качестве основного методологического инструмента используется сравнительно-сопоставительный анализ рассказа «Пан Аполек» и ранней новеллы Бабеля «Шабос-нахаму», являющейся художественной обработкой сюжета о Гершеле. Исследование доказывает, что структурное и фабульное сходство этих текстов неслучайно: Бабель сознательно переносит модель поведения и философские установки идишского плута на своего польского художника. В статье детально рассматриваются общие для обоих персонажей мотивы и концепты. Проводится анализ телесной организации героев, основанной на оппозиции «малого» тела (галутный тип) и противостоящего ему «большого» тела враждебного мира, что актуализирует мифологическую модель «Давид против Голиафа». Исследуется стратегия плутовства как основное оружие слабого, позволяющее не только выживать, но и побеждать. Особое внимание уделяется трансформации функции утешения: если в истории о Гершеле она вынесена на уровень заглавия и адресована читателю, то в «Пане Аполеке» она становится центральным сюжетобразующим элементом, проявляясь в актах артистического преображения реальности. Кроме того, анализируются константные для обоих образов мотивы веселья, смеха и артистизма, которые Бабель возводит в ранг философских принципов мудрого отношения к бытию. Выводы статьи показывают, что пан Аполек представляет собой сложный культурный симбиоз. Его европейская оболочка скрывает идишское ядро, восходящее к архетипу *luftmensch* и трикстера. Таким образом, в фигуре идеального художника Бабель синтезирует ашкеназскую жизненную философию с канонами европейского искусства, создавая уникальный образ, ключевой для понимания всей эстетической системы писателя.

Ключевые слова

Исаак Бабель, Конармия, пан Аполек, Гершеле Острополер, идишский фольклор, трикстер, лүфтменш, архетип, сравнительный анализ

© Жарников Г. С., 2025

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2025. № 2. С. 25–35
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 2, pp. 25–35

Hershele Ostropoler in Isaac Babel’s “Red Cavalry” (Pan Apolek: Archaeology of the Image)

Gennadii S. Zharnikov

The Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

zharnikov.gs@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-7354-1217>

Abstract

The article provides a comprehensive analysis of the image of Pan Apolek, one of the key characters of Isaac Babel’s cycle “Red Cavalry”. Despite the extensive research tradition, which has studied the Western European cultural layers that form this image, its deep connections with Yiddish folklore culture remain understudied. The scientific novelty of the present work lies in the attempt to identify a fundamental stratum in the structure of the image, dating back to the figure of the Yiddish folk hero Hershele Ostropoler. The main methodological tool used is a comparative analysis of the story “Pan Apolek” and Babel’s early short story “Shabos-nahamu”, which is an artistic treatment of the story about Hershele. The study proves that the structural and fabula similarity of these texts is not accidental: Babel consciously transfers the model of behavior and philosophical attitudes of the Yiddish knave to his Polish artist. The article examines in detail the motifs and concepts common to both characters. It analyzes the bodily organization of the characters based on the opposition of the “small” body (the galut type) and the opposing “big” body of the hostile world, which actualizes the mythological model of “David versus Goliath”. The strategy of knavery is studied as the main weapon of the weak, which allows not only to survive, but also to win. Particular attention is paid to the transformation of the function of consolation: while in the story of Herschel it is placed at the level of the title and addressed to the reader, in “Pan Apolek” it becomes the central plot-forming element, manifesting itself in acts of artistic transformation of reality. In addition, the motifs of fun, laughter and artistry, which are constant for both characters, are analyzed, and Babel elevates them to the rank of philosophical principles of a wise attitude to existence. The conclusion of the article shows that Pan Apolek is a complex cultural symbiosis. His European shell hides the Yiddish core, which goes back to the archetype of the luftmensch and the trickster. Thus, in the figure of the ideal artist, Babel synthesizes Ashkenazi life philosophy with the canons of European art, creating a unique image that is key to understanding the writer’s entire aesthetic system.

Keywords

Isaac Babel, Red Cavalry, Pan Apolek, Hershele Ostropoler, Yiddish folklore, trickster, Luftmensch, archetype, comparative analysis

For citation

Zharnikov G. S. Hershele Ostropoler in Isaac Babel’s “Red Cavalry” (Pan Apolek: Archaeology of the Image). *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 2, pp. 25–35. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-2-25-35

Новелла «Пан Аполек» традиционно рассматривается как одна из центральных в конармейском цикле, а ее заглавный герой – как проводник авторской художественной философии. Многие исследователи обращались к этой новелле. В образе польского художника, пана Аполека, были отмечены несколько уровней: миф о ренессансном художнике-гении (в работах Э. Зихера), миф о Мессии (в работах Ж. Хетени и И. А. Есаулова), древнегреческий миф об Аполлоне, божественном искусстве (в работах Э. Зихера и М. Вайскопфа). У каждого из этих уровней свои определенные задачи в произведении.

Однако наравне с этими смысловыми пластами в образе Аполека присутствует и другой, менее изученный уровень, связанный с идишской фольклорной традицией, в частности с фигурой Гершеле Острополера. В более широком смысле этот контекст включает образ еврея-луфтменша (характерного представителя местечка, вынужденного скитаться и искать средства к существованию), который Бабель разрабатывал в своей ранней прозе. Эта многослойность позволяет выделить в структуре пана Аполека два условных уровня: западноевропейский и еврейский (идишский). Если первый неоднократно становился предметом научного анализа, то второй оставался в тени. Цель данной статьи – исследовать идишский контекст пана Аполека.

В 1918 г. Бабель публикует в газете «Вечерняя звезда» новеллу «Шабос-нахаму». Это художественная переработка популярной истории о похождениях Гершеле из Острополя, идишского народного героя.

Бабель думал о целом цикле новелл, посвященном этому персонажу. Прежде всего об этом говорит подзаголовок «Шабос-нахаму (Из цикла *Гершеле*)». Устойчивость замысла видна из дневниковой записи, сделанной два года спустя, в 1920 г., во время Польского похода: «...думаю о Гершеле, вот как бы описать» (Бабель, 2018, с. 141). Гершеле упоминается и в самом тексте «Конармии». В рассказе «Рабби» между хасидским цадиком и героем-повествователем происходит такой диалог: «...Чем занимается еврей? / – Я переключиваю в стихи похождения Герша из Острополя» (Бабель, 2018, с. 31). Таким образом, Гершеле возникает в «Конармии», оказываясь связан с фигурой рассказчика. Приведенные примеры демонстрируют устойчивый интерес писателя к идишскому герою. Теперь представим краткий пересказ двух новелл.

В новелле «Шабос-нахаму» бедный еврей Гершеле, спасаясь от голода, направляется ко двору рабби Борухла. По пути он останавливается на постоялом дворе, где хитростью добывает себе еду у простодушной хозяйки. Выйдя из корчмы, герой страшится погони, которую может учинить вернувшийся муж. Однако встреча с ним также дает еврею возможность проявить свое плутовство и одурачить корчмаря, после чего он продолжает свой путь.

В новелле «Пан Аполек» схожая событийная канва предваряет основное действие. По дороге в Новоград-Волынский художник заходит в корчму, плутует с хозяйкой, а затем уходит от погони ее мужа, корчмаря. В дальнейшем повествование фокусируется на деятельности героя в городе: он создает иконы, придавая лицам святых черты местных жителей, и в разговоре с рассказчиком Кириллом Лютовым излагает апокрифическую притчу о Христе.

Сопоставление двух текстов обнаруживает очевидные сюжетные параллели, особенно в эпизодах с корчмой. В обоих случаях реализуется схожая последовательность действий: герой приходит в корчму, вступает в плутовское взаимодей-

ствии с хозяйкой, избегает преследования со стороны ее мужа и безнаказанно продолжает свой путь. Эта структурная близость позволяет предположить, что Бабель сознательно выстраивает образ пана Аполека с опорой на архетип идишского трикстера, воплощенного в Гершеле. Данная гипотеза подтверждается и на других уровнях.

Телесный аспект

На уровне телесной организации образы персонажей обнаруживают значительное сходство. Невысокий рост и худощавое телосложение – это стереотипное описание Гершеле в фольклоре. Пан Аполек подпадает под этот стереотип: «...он вышел во двор, разделся донага и облил студеною водой свое розовое узкое хилое тело» (Бабель, 2018, с. 17).

Для Бабеля этот образ специфически оказывается связан с идеей «еврейского» тела. О чем свидетельствует автохарактеристика рассказчика в «Истории моей голубятни»: «Как все евреи, я был мал ростом, хил и страдал от ученья головными болями» (Бабель, 2014, с. 266). За худобой, тщедушностью персонажа скрывается концепт галутного, ущемленного существования малочисленного народа, окруженного могучими недругами.

В образах Гершеле и Аполека редуцирован сексуальный аспект. Эта особенность также оказывается тесно связана с еврейским телом луфтменша, ее можно заметить в ранних персонажах Бабеля: в новелле «Эльза Исаакович и Маргарита Прокофьевна» герой, еврей из Одессы, ночует в квартире проститутки, но они просто спят в одной кровати. Это было подчеркнуто в «Одесских рассказах», где с помощью сексуального аспекта, понимаемого в то же время и как общее воплощение витальности, рассказчик, у которого «...на носу <...> очки, а в душе осень», противопоставлен Бене Крику (жовиальному бандиту, выламывающемуся из традиционного еврейского образа): «Вы тигр, вы лев, вы кошка. Вы можете переночевать с русской женщиной, и русская женщина останется вами довольна» (Бабель, 2014, с. 198).

Выделение телесного аспекта помогает выявить в образе Аполека важный контрапункт, контраст между его именем и строением его тела, хилым, тщедушным, асексуальным. Выбор такой телесной конституции для персонажа создает значимый художественный эффект¹. Писатель здесь сводит несовместимое, тело Аполека – это тело, противоположное образу древнегреческого Аполлона (про одного из казаков, бывшего атлета (!) Бабель напишет в своем конармейском дневнике «фигура Аполлона» (Бабель, 2018, с. 130)). Таким образом, автор дает своему персонажу тело принципиально не аполлоновское, с иной конституцией, хотя мотивы Аполлона, греческого бога искусства, здесь чрезвычайно сильны².

¹ В конце концов, образ этого тела, связанный с ним мотив доброты и безобидности вкупе с успокаивающим образом солнца и звуком гармоники, заставляют трактирщика оставить преследование Готфрида и Аполека. Иначе говоря, Аполек «творит» чудеса не только с помощью искусства, но и своим обликом, а также присущей ему и окружающей его атмосферой.

² Исследователями упоминались сопровождающие Аполека в его путешествии две белые мыши, являющиеся символами Аполлона [Вайскопф, 2017, с. 192]. К этому можно также добавить, что дощечки, на которых написаны иконы художника, сделаны из кипариса.

Следовательно, образ пана Аполека, насыщенный западноевропейскими культурными кодами, на телесном уровне конструируется по модели, близкой к образу Гершеле.

Стоит подчеркнуть, что обоих персонажей также объединяет тема голода, низкого социального положения и плутовства ради получения еды. И, несмотря на мотив доброты и безобидности, связанный с образом «малого тела», читателю в то же время видна их невероятная цепкость и тяга к жизни.

Во многом «еврейская» ситуация в новеллах выстраивается уже потому, что антипод главного персонажа обладает крупным телом, которое контрастирует с тщедушным телосложением главного героя. Хозяйка корчмы из новеллы о Гершеле выглядит так: «Живот ее был столь велик, точно она собиралась родить тройку» (Бабель, 2014, с. 362). И в другом месте: «Она поднялась, и маленькая ее головка стукнулась о перекладину, потому что Зельда была высока и жирна, красна и молода» (Бабель, 2014, с. 365). По принципу контраста создается и другой образ противника Гершеле: «Муж ее, может быть, умный человек, с большими кулаками, толстыми щеками и длинным кнутом» (Бабель, 2014, с. 366). Он выстраивается в прямой оппозиции к предполагаемому телесному образу самого Гершеле, у которого нет больших кулаков, толстых щек и, конечно, кнута.

У пана Аполека тоже два противника, при чем в обоих случаях на их стороне сила, они обладатели «большого тела». Первый – это корчмарь, схвативший палку и погнавшийся за ним. Вторым антагонистом художника выступает католическая церковь, образ которой также приобретает телесные коннотации: «Так началась неслыханная война между могущественным телом католической церкви, с одной стороны, и беспечным богомазом – с другой» (Бабель, 2018, с. 18).

Недостаток на физическом уровне восполняется внутренними качествами персонажей – хитростью и умом. Оба прекрасно понимают, как успешно взаимодействовать с другими людьми, добиваясь своих целей. Гершеле мгновенно оценивает умственные способности хозяйки корчмы Зельды: «Эге, – подумал Гершеле. – Вопросец хорош. Всякая картошка растет на Божьем огороде...» (Бабель, 2014, с. 362). Похожая ситуация разворачивается при встрече с хозяином корчмы: «Гершеле недолго нужно было всматриваться в человека, чтобы узнать, чем человек дышит. С первого взгляда он понял, что муж недалеко ушел от жены» (в глупости. – Г. Ж.).

И Аполек точно понимает, в чем окружающие его нуждаются в данный конкретный момент. В корчме он хочет украсить бедную корчмарку, пририсовав ей жемчуга и изумрудное ожерелье на портрете. Прибыв в Новоград, он с помощью своих картин дает людям возможность гордиться собой и стать частью священной истории. А Иисус в его апокрифе делает то, в чем больше всего нуждается несчастная Дебора, отвергнутая своим женихом.

Важно также, что его стратегия дается в противовес мнению церкви, не считающейся с людьми, с их желаниями и поэтому проигрывающей Аполеку: «...он окружил вас неизреченными принадлежностями святых, вас, трижды впадавших в грех ослушания, тайных винокуров, безжалостных заимодавцев, делателей

са. Эта деталь не случайна: Кипарис, как известно, имя прекрасного юноши, любимца Аполлона.

фальшивых весов и продавцов невинности собственных дочерей» (Бабель, 2018, с. 19).

Таким образом, и Гершеле и Аполек демонстрируют совершенно особое взаимодействие с миром. Согласно исследованию Ю. Слезкина, это вообще один из преимущественных способов взаимодействия евреев с окружающими: хитроумие, качество, «полностью воплощенное на земле Одиссеем», представляющее собой «главное оружие слабого, самую сомнительную из добродетелей и полную противоположность как грубой силы, так и зрелой мудрости» [Слезкин, 2005, с. 43]. Исследователь также ссылается на Марселя Детьенна и Жан-Пьера Вернана: «Есть много видов деятельности, которые требуют, чтобы человек научился манипулировать враждебными силами, которые слишком мощны, чтобы управлять ими непосредственно, но которые можно использовать вопреки им самим, с помощью неожиданных, окольных средств» [Там же]. Именно такой способ взаимодействия с враждебным миром характерен для героев Бабеля. О чем косвенно говорит и соотношение фигур в новеллах (маленький и слабый – большой и сильный).

Однако плутовство героев имеет еще одну общую грань. Сюжет новеллы о Гершеле строится на двух плутовских трюках – обман глупой корчмарки и обман недалекого корчмаря. В новелле про Аполека еще до начала основного действия художник напрямую получит сравнение с фокусником: «Художник размотал свой шарф, нескончаемый, как лента ярмарочного фокусника» (Бабель, 2018, с. 17). За этим последуют и его «фокусы»: сначала он вместо платы за еду нарисует портрет корчмарки, обещая в следующий раз переписать портрет красками и пририсовать на груди изумрудное ожерелье, а после будет рисовать жителей города на фресках костела, который ему заказали расписывать. При внимательном рассмотрении это кошунственное совмещение оказывается близким по своей структуре плутовскому трюку. Художник «играет» с реальностью в своем искусстве, тем самым изменяя что-то в пространстве уже реальной жизни.

Герои вступают во взаимодействие с обладателями крупного тела посредством своего плутовского трюка, но у плутовства в новеллах есть определенная цель. Оба героя – утешители, важный итог их действий – утешение. Казалось бы, в идишской истории происходит надругательство над злыми, богатыми и недалекими корчмарями (это фольклорная «жестокость» – торжество слабого над сильным). В итоге Гершеле обманывает хозяев, забирает их скорбь, оставляет в дураках к концу рассказа. Утешения эти герои в новелле не получают. Тем более явным становится утешение, заключенное в самом образе персонажа, в названии новеллы и в контексте ее появления в 1918 г.: «Шабос-нахаму – суббота утешения после Девятого ава, дня траура и поста в память разрушения Храма в Иерусалиме. В эту субботу евреи читают в синагоге главу из пророчества Исайи, начинающуюся словами: «Нахаму, нахаму ами...» («Утешайте, утешайте народ Мой...»). По контрасту с апокалиптическим видением в стихах О. Мандельштама и Э. Германа в «Вечерней звезде» утешительные слова еврейского пророка Исайи о новом строительстве, о новом Иерусалиме и будущем обществе, основанном на справедливости, дают оптимистический взгляд и на Россию, обрушенную войной и революцией» [Зихер, 2016, с. 462]. Таким образом, смысл всей новеллы состоит именно в утешении читателя, которому писатель хочет дать надежду на счастливый исход.

В «Аполеке» при тех же сюжетных компонентах (корчмарка, корчмарь, корчма и плут) изменено их взаимодействие. Если в новелле о Гершеле мотив утешения вынесен на уровень заглавия (приключения Гершеле утешают читателя, но не героев), то в «Пане Аполеке» Бабель переносит его непосредственно в сюжет, тем самым эксплицируя и развивая его. Аполек и Готфрид хоть и оставляют корчмаря Шмереля и его жену Брайну с финансовыми потерями, потому что не заплатили за ужин, однако вместо этого дарят им свое искусство. Это исполненные героями песни и портрет Брайны, с которого и начинается действие «магии» Аполека. Его приход в Новоград подарит всем людям возможность оказаться изображенными на иконе, в образе одного из персонажей священной истории, а апокриф, который он расскажет Лютову, содержит сказание об утешении, оказываемом Иисусом несчастной девице Деборе. Таким образом, новелла делится на три эпизода, в которых как бы неизменно повторяется в различных вариациях тема утешения (начиная со вступления, в котором происходит формирование эстетической и мировоззренческой позиции рассказчика под влиянием философии пана Аполека). Нужно заметить, что главная тактика писателя в обоих случаях состоит в том, чтобы воздействовать и изменять сознание людей с помощью определенных художественных образов, подвигая их к какому-то новому и более плодотворному внутреннему состоянию.

Веселье

Оба персонажа тесно связываются с мотивом веселья. Храм, расписанный Аполеком, полон «какого-то прохладного веселья» (Бабель, 2018, с. 71). Самого героя автор ставит в комическое положение: «Случай едва не возвел кроткого гуляку в основатели новой ереси. И тогда это был бы самый замысловатый и смехотворный боец из всех, каких знала уклончивая и мятежная история римской церкви. Боец, в блаженном хмелю обходивший землю с двумя белыми мышами за пазухой и с набором тончайших кисточек в кармане» (Бабель, 2018, с. 18).

Характерной является реакция главного рассказчика на апокриф о Христе. Когда Аполек излагает легенду, реакция Лютова – смех и ужас: «Где же он? – вскричал я, смеясь и ужасаясь» (Бабель, 2018, с. 20).

В дополнение к этому оба характера ассоциируются с ярмарочными мотивами. Гершеле в пределах новеллы побывает на ярмарке и попытается заработать на жизнь своим шутовством. Всем понравятся его шутки, но никто не заплатит ему. Его действие заканчивается комической неудачей. У Аполека же на шее уже упомянутый шарф канареечного цвета, «нескончаемый, как лента ярмарочного фокусника» (Бабель, 2018, с. 17). Стоит еще раз подчеркнуть, что неотъемлемая часть двух новелл – это ловкий, плутовской трюк, почти ярмарочный фокус. Ко всему вышеперечисленному нужно добавить, что сам характер Гершеле напрямую связан со смехом, его похождения смешны.

Оба персонажа ведут бродячий образ жизни. Аполек приходит из Гейдельберга, о чем напоминают песни в таверне, у него диплом Мюнхенской академии (немецкие мотивы усилены и тирольской шляпой его напарника, слепого музыканта). К тому же персонаж сам называет себя «бродячим художником». Об историях с Гершеле говорит Лютов, называя их «похождения Герша из Острополя». Сам жанр этих историй указывает на бродячую жизнь главного действующего лица.

Смех и смеховые аспекты сопровождают персонажей. Смех выступает здесь важным принципом наравне с утешением (возможно, как часть утешения). Упоминание цикла о Гершеле в «Конармии» сопровождается подытоживающим комментарием рабби: «...шакал стонет, когда он голоден, у каждого глупца хватает глупости для уныния, и только мудрец раздирает смехом завесу бытия...» (Бабель, 2018, с. 31).

Победители

Оба героя выходят победителями из столкновения с «большим телом», превосходящими их противниками. Аполек, например, не только уходит безнаказанным от корчмаря, но и выигрывает противостояние с католической церковью, а после даже живет в доме ксендза, что символизирует его полную победу. Гершеле успешно обманывает богатых и сильных корчмарей. Это не просто победа, в этих случаях ей отчасти придается и мифологическое измерение. Здесь реализуется модель «Давид против Голиафа», которая часто повторяется в бабелевской прозе и о которой говорится в «Истории моей голубятни»: «...он произнес на древнееврейском языке тост <...> Так в древние времена Давид, Царь Иудейский, победил Голиафа, и подобно тому как я восторжествовал над Голиафом, так народ наш силой своего ума победит врагов, окруживших нас и ждущих нашей крови» (Бабель, 2014, с. 269–270). Другие примеры реализации подобной модели можно увидеть в новелле «Король», где люди Бени Крика поджигают полицейский участок (здесь «малым телом» выступает Бенья и его компания, а «большим телом» – новый пристав и полицейский участок, символ российской власти), в «Любке Казак» огромной и дикой женщине противостоит маленький Цудечкис, а в «Моем первом гонораре» хилый протагонист двадцати лет от роду противопоставлен большой и зрелой женщине.

Победа персонажей происходит и потому, что для Бабеля они являются носителями неких новых принципов понимания мира. И в этом смысле противопоставлены своим противникам («большому телу»).

Гершеле

Не менее важным становится вопрос и о том, почему писатель работает именно с образом Гершеле. Выделим три основных аспекта.

Идентичность. Начиная с ранних рассказов, Бабель работает с образом еврея-луфтвахмана, пытаясь сформулировать с его помощью особый принцип отношения к миру. Самую раннюю попытку можно обнаружить в неоконченном наброске «Три часа дня», в котором еврей-адвокат Янкель помогает русскому священнику Ивану. Более зрелое художественное воплощение этот образ находит в новелле «Элья Исаакович и Маргарита Прокофьевна». В ней показана трансформация отношений героев: от формальных и функциональных (клиент – проститутка), они переходят к личностному измерению, обретают поддержку друг в друге. Эта новелла может служить почти иллюстрацией ко многим положениям литературного манифеста Бабеля «Одесса», опубликованного в том же 1916 г., в манифесте также появляются образы евреев-одесситов, способных изменить многое в окружающей их культуре и людях. Обработка идишского сюжета о Гершеле в 1918 г. является продолжением работы писателя с образом луфтвахмана.

Перечисленные герои-евреи обладают всеми отмеченными нами чертами: «малое тело» в столкновении с большим, они демонстрируют особые стратегии «малого тела», берущие начало в еврейском миропонимании, здесь задействована мифологическая подоплека (Давид – Голиаф), их сопровождают мотивы веселья, и они выходят победителями из представленной ситуации. Кроме того, они отличаются трудолюбием, любовью и интересом к жизни, к людям, приверженностью семейным ценностям, а также обладают важным представлением о том, что мир есть благо.

Исходя из этих положений одной из отличительных черт данных персонажей является мотив помощи. Причем мотив совершенно конкретен, ибо звучит в очень определенной ситуации. Писатель хочет повлиять на русскую литературу и ее читателя. Привнести в русскую культуру способы еврейского (одесского) мироустройства и миропонимания. Соответственно, антиподом еврея почти всегда выступает представитель народа, символизирующий народ и культурную ситуацию в целом. Исключение составляет лишь сюжетная структура новеллы о Гершеле, но в ее названии, как уже было сказано, содержится мысль писателя об утешении. Именно мотивом исправления, выхода к какому-то новому состоянию жизни пропитан бабелевский литературный манифест «Одесса».

Что также важно, данные герои связаны с образом луфтвамана, черты которого Бабель, безусловно, видит в Гершеле. Все эти смыслы сохраняются в образе Острополера, чтобы затем проявиться в Аполеке. Именно здесь нужно искать генезис наиболее важных его черт. А солнечное искусство Аполека берет начало в одном из главных образов одесского эссе Бабеля – образе солнца.

Бабель работает со всеми этими персонажами потому, что они являются для него квинтэссенцией живой философии ашкеназского еврейства. Эту философию он закладывает в фундамент своего эстетического проекта (в образ пана Аполека – идеального художника) наряду с западноевропейской его частью.

Смех. Фольклорный персонаж Гершеле имеет еще одну важную конститутивную черту, которая, без сомнения, обратила на себя внимание писателя. Он прочно связан со смеховым началом. Истории о Гершеле рождались как анекдоты о похождениях мудрого бедного еврея. Смеховой компонент – важнейший элемент этих историй. Гершеле – это квинтэссенция смеха и именно еврейского смеха, который, безусловно, резонирует с писательским мироощущением.

Кроме того, смех является важной частью самой личности писателя – он любил розыгрыши, обманы, шутки, говорил, что «...человек рождается для веселья и наслаждения жизнью...» [Пирожкова, 2013, с. 265]. Смех обладает первостепенным значением и для его художественного мира. Именно в трагической по звучанию книге «Конармия» (в ответ на упоминание об историях о Гершеле) звучит емкое определение смеха как особого способа мудрой жизни: «У каждого глупца хватает глупости для уныния, и только мудрец раздирает смехом завесу бытия...» (Бабель, 2018, с. 31).

Артистизм. Важнейшая черта, которую видел Бабель в Гершеле (и которая не была такой явной в его более ранних еврейских образах (ни в Янкеле из «Три часа дня», ни в Элье Исааковиче)), – это неподражаемый артистизм персонажа фольклорных историй. И писатель несколько раз подчеркивает этот аспект. Так, например, Бабель пишет, что Гершеле на упреки жены отвечает стихами, он подрабатывает шутком на ярмарке, и все смеются над его шуточками. Артистична

и уловка, с помощью которой он добывает себе еду у глупой корчмарки (хитроумный обман).

Возможно, именно образ Гершеле становится переходным этапом в творчестве Бабеля. Артистизм станет важнейшей чертой бабелевской поэтики. Идишский трикстер помогает акцентировать этот артистизм. В последующем творчестве писателя наиболее важные бабелевские персонажи обязательно будут артистами, основной миф Бабеля – это миф о художнике. Артистическими трюками самого различного рода – розыгрыши, акробатические трюки, элементы циркового представления – переполнена главная книга писателя – «Конармия». Большое место трюки (в самом широком смысле) занимают и в «Одесских рассказах». А в позднем, опубликованном в 1937 г., рассказе «Ди Грассо» именно посредством трюка создается большое искусство. На протяжении всего зрелого творчества писателя это важнейший инструмент бабелевской концепции артистического преображения мира: «... в исступлении благородной страсти больше справедливости и надежды, чем в безрадостных правилах мира» (Бабель, 2014, с. 312). И в своем наиболее отчетливом виде этот прием впервые появляется в новелле про идишского народного героя.

Гершеле не мог стать непосредственным героем «Конармии». Фольклорный персонаж ограничен своим этнокультурным контекстом, кругом идишских историй. Для точного выражения идей Бабеля, во-первых, нужен образ художника-творца. Во-вторых, этот художник должен быть пропитан европейской культурой. Концепция писателя – это артистическое преображение мира с помощью европейского искусства. Однако «фундамент» персонажа, его «несущая» конструкция, а также «внутренняя» (глубинная) философия, как мы увидели, наполнена смыслами еврейской культуры.

Таким образом, один из главных героев «Конармии», пан Аполек, обладает замечательной двойственностью. С одной стороны, присутствует конструирование персонажа через модели западноевропейской системы (ренессансный художник, образ Мессии, древнегреческий бог искусства Аполлон), с другой стороны, обнаруживается и важная связь с еврейской культурой, с образом Гершеле Острополера, а через него и с образом луфтменша из ранних рассказов автора. Учитывая мощную значимость этих еврейских (идишских) образов, их философское наполнение, которое сам писатель суммировал и обосновал в литературном манифесте «Одесса», необходимо сказать, что эта вторая и во многом «теневая» часть образа Аполека обладает не меньшей значимостью для писателя, чем его европейская часть. А следовательно, играет в произведении и в эстетической позиции автора важную роль.

Перед читателем, способным воспринять оба контекста в одном из главных героев «Конармии», чрезвычайно значимом для понимания авторской позиции в цикле, воссоздается невероятный бабелевский симбиоз еврейской (идишской) культуры и культуры европейской.

Список литературы

Вайскопф М. Между огненных стен. Книга о Исааке Бабеле. М.: Книжники, 2017. 494 с.

Жарников Г. С. Гершеле Острополер в «Конармии» Исаака Бабеля

Зихер Э. Шабос-нахаму в Петрограде: Бабель и Шолом-Алейхем // Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век. М.: Книжники; Литературный музей, 2016. С. 452–473.

Пирожкова А. Н. Я пытаюсь восстановить черты: О Бабеле – и не только о нем. М.: АСТ, 2013. 605 с.

Слезкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М.: НЛЮ, 2005. 544 с.

Список источников

Бабель И. Э. Конармия / Подгот. Е. И. Погорельская. М.: Наука, 2018. 470 с.

Бабель И. Э. Рассказы. СПб.: Вита Нова, 2014. 656 с.

References

Pirozhkova A. N. Ya pytayus' vosstanovit' cherty: O Babele – i ne tol'ko o nem. [I'm trying to reconstruct the lines. About Babel and not just Babel]. Moscow, AST Publ., 2013, 605 p. (in Russ.)

Sicher E. Shabos-nakhamu v Petrograde: Babel' i Sholom-Aleykhem [Shabos-nakhamu in Petrograd. Babel and Sholem Aleichem]. In: Isaak Babel' v istoricheskom i literaturnom kontekste: XXI vek [Isaac Babel in historical and literary context, the 21st century]. Moscow, Knizhniki Publ., Literaturnyi muzei Publ., 2016, pp. 452–473. (in Russ.)

Slezkin Yu. Era Merkuriya: Evrei v sovremennom mire [The Jewish Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, 544 p. (in Russ.)

Vayskopf M. Mezhdru ognennykh sten. Kniga o Isaake Babele [Between walls of fire. Book about Isaac Babel]. Moscow, Knizhniki Publ., 2017, 494 p. (in Russ.)

List of Sources

Babel I. E. Konarmiya [Red Cavalry]. Prep. by E. I. Pogorelskaya. Moscow, Nauka, 2018, 470 p. (in Russ.)

Babel I. E. Rasskazy [Short stories]. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2014, 656 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Геннадий Сергеевич Жарников, кандидат филологических наук

Information about the Author

Gennadii S. Zharnikov, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 12.06.2025;
одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 18.06.2025
The article was submitted on 12.06.2025;
approved after reviewing on 18.06.2025; accepted for publication on 18.06.2025*

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2025. № 2
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 2